

Оглавление

I. Вступление и выражение благодарности	
II. Основные имена и события	
III. Предисловие: культура малого знания	
IV. Часть первая. «Свои поганые» Русской земли: рождение стратегии	
V. Часть вторая. «Служилые татары» Москвы	
VI. Часть третья. Джурабек: империя идет на Восток	
VII. Часть четвертая. Минарет: советский опыт и русская стратегия	
VIII. Заключение	
IX. Эпилог	

Часть первая.

«СВОИ ПОГАННЫЕ» РУССКОЙ ЗЕМЛИ: РОЖДЕНИЕ СТРАТЕГИИ

*Пришел Ярополку печенежский князь Илдея,
отдаваясь ему в службу⁴⁷.*

Не все большие государства — великие, но все великие государства — большие. И совершенно не случайно европейские империи прошлого — Британская, Австрийская, Французская, Испанская или Османская — практически незамедлительно утратили какое-либо значение в мировой политике после того, как потеряли в первой половине XX века колониальные владения. Россия избежала такой судьбы, сохранив практически в прежнем объеме свой геополитический масштаб и соответствующее ему влияние на мировые дела. Отчасти это объясняется особым характером пространственного расселения русского народа, распространившегося за несколько столетий на огромных территориях: от Восточной Европы до Тихого океана, от Арктики до Кавказских гор и казахской степи. Другая причина в том, что Россия, в отличие от большинства государств мира, никогда за последние 750 лет не терпела военных поражений, угрожавших ее существованию или способности самостоятельно принимать политические решения. И тем более мы не можем говорить о возможности фатального поражения сейчас, когда страна располагает колоссальными запасами ядерного оружия.

Однако настоящий фундамент подобной пространственной стабильности — это политическая культура России, уже

⁴⁷ Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 2. М.: Изд-во вост. лит., 1962.

на протяжении тысячелетия настроенная на способность включать в свой состав народы вне зависимости от их этнического или религиозного происхождения. Именно она позволила недавним противникам становиться соратниками по строительству Российского государства, лично заинтересованными в укреплении его могущества, ведь от этого зависело их собственное выживание. Такие отношения с самого начала не были «плавильным котлом», где смешиваются народы, — каждый сохранял и сохраняет свою индивидуальность. Более того, они никогда не были простыми и напоминавшими субординацию, но характеризовались общностью интересов, выразителями которых являются элиты, на протяжении столетий становившиеся соратниками русского народа в борьбе за независимость от внешних угроз. Такая общность возникала на основе способности определить общую задачу настолько важную, что по сравнению с ней могли считаться несущественными разные частные противоречия.

И если, согласно мнению классика науки о международных отношениях, географическое положение является «фундаментом, на котором высится пирамида внешнеполитической стратегии государства»⁴⁸, то в случае России такая основа сама по себе есть продукт русской политической цивилизации и культуры, издавна привычной делать выбор в пользу практической необходимости, а не идеологических предрассудков. Вместе с тем было бы некоторым упрощением связывать эти особенности только с прагматичным отношением к другим народам — в дальнейшем мы увидим, как практическая политика шла намного дальше их потребительского использования при решении текущих задач. Соседи Руси, готовые по своим качествам для совместного развития, включались в него, постепенно все более разделяя с русскими то, что в наши дни получило определение как общность исторического пути. Но не обошлось и без геополитических факторов. Во-первых, одной из важнейших причин способности русского народа вовле-

⁴⁸ Morgenthau H. Politics among nations. The struggle for power and peace. N. Y.: Alfred and Knopf, 1946. P. 80.

кать иные этнические и религиозные сообщества в свою жизнь была его преобладающая численность, что избавляло от свойственного малым европейским нациям страха перед чужаками.

Во-вторых, сами русские очень рано, по историческим меркам, оторвались от родоплеменных «корней» и стали создавать территориальные политические объединения — земли-княжения Древней Руси — на основе смешения выходцев из разных племенных групп восточных славян⁴⁹. Последнему особенно способствовала пространственная структура их расселения на территориях, разделенных внутри лесными массивами, реками и непроходимыми болотами⁵⁰. Такое раннее исчезновение племени в этническом смысле, при многочисленности народа было, по нашему мнению, наиболее комфортным для установления с чужаками равноправных отношений сотрудничества и их постепенной интеграции в общую государственную систему.

У истоков возникающей стихийной стратегии лежат исторические события X–XII веков, когда разворачивается интенсивное взаимодействие Русских земель с кочевыми народами, приходившими из глубин Евразии на юго-восточные границы Киевского государства: печенегами, торками, берендеями, племенным союзом черных клобуков, а позднее — половцами (куманами)⁵¹. Отношения с ними принимали, помимо торгового обмена и династических

⁴⁹ Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004.

⁵⁰ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М.: Типолитография В.И. Титяева, 1909. С. 20–27.

⁵¹ Российская историография, только непосредственно посвященная отношениям Руси и кочевых народов в период IX–XII веков, является исключительно насыщенной. Отметим лишь несколько самых главных работ: Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962; Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. М.: Вече, 2011; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2018; Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990; Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2017; Россия и степной мир Евразии: очерки / В.М. Викторин и др.; под ред. Ю.В. Кривошеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

браков правителей⁵², три основные формы⁵³. Во-первых, это вооруженные столкновения, в которых каждая из сторон оказывалась периодически то победителем, то проигравшим. При этом русские земли не выступали только с позиции оборонявшихся — их правители сами постоянно совершали походы в Степь. Одному из таких походов, неудачных в военном отношении, мы обязаны появлением центрального произведения древнерусской литературы, «Слова о полку Игореве». Во-вторых, участие отрядов кочевников во внутрисполитической борьбе на Руси, выражавшейся тогда в междоусобных войнах многочисленных князей династии Рюриковичей. И, наконец, в-третьих, организованный переход небольших кочевых народов на службу к русским землям-княжениям. Такой переход сопровождался наделением их земель и включением представителей правящей верхушки в состав русской военной элиты наравне с собственной знатью: ни с кем из других соседей таких отношений у Руси не было.

Все эти виды отношений русских и кочевников происходили преимущественно одновременно и в первых двух случаях не были взаимоисключающими: прямые столкновения перемежались с «наводами» степняков, то есть вовлечением их как силового ресурса в решение спорных вопросов между русскими землями-княжениями. Далее мы увидим, что количество эпизодов участия включенных в политическую систему Древней Руси кочевников в ее внутренних междоусобицах практически равно числу их столкновений с внешними противниками. Примечательно, что позднее точно такая же модель поведения была избрана русскими правителями в отношениях с Золотой Ордой в период XIII–XV веков, то есть она была не новшеством, связанным с особым характером ордынского государства, а вполне укорененной привычкой. Русская цивилизация как будто втягивала в себя соседние народы Востока, создавая для них возможность не только

⁵² Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020.

⁵³ См. интересное интервью на эту тему: Успенский Ф.Б. От ненависти до любви // Историк. 2025. № 124.

служить ее интересам, но и становиться активными участниками политической жизни.

При этом, как отмечают исследователи вопроса, интенсивность военных противоборств с кочевниками постоянно сокращалась, а их вовлечение во внутренние русские конфликты и военное служение Русской земле шли по нарастающей⁵⁴. Далее мы подробнее рассмотрим конкретные причины и обстоятельства этих исторических процессов. Каждый из них означал не просто взаимодействие Руси с кочевниками как внешними соседями, но готовность вовлекать их в решение наиболее важных вопросов ее политического развития: внутренней борьбы за власть и оборону от угроз со стороны иных иноземных противников, избрание и признание правителей. Отношения, как отмечают все историки, не были линейными и часто отличались внутренней противоречивостью, как и всё во взаимодействии России и Востока: степные союзники проливали в сражениях кровь за русских князей, но потом могли сами проявить непростой характер, а русские перемежали совместные военные предприятия с глубокими вторжениями в Степь.

То, что военные столкновения занимали в отношениях Киевской Руси и жителей Степи такое заметное место, позволило закрепиться в историографии тезису о «противостоянии леса и степи», а также об особой роли России, «прикрывавшей» Европу от волн завоевателей, приходивших из бескрайних пространств Евразии. Но намного более убедительной представляется точка зрения, что взаимодействию русских земель и их кочевых соседей никогда не была свойственна линейность цивилизационного противостояния, а взаимная практическая выгода от сотрудничества последовательно преобладала над не менее объективно существовавшими враждой и предрассудками⁵⁵.

⁵⁴ См. например, расчеты, сделанные не так давно американским исследователем Тайди в его работе: Тайди Т.Ю. Союз черных клобуков: тюркское объединение на Руси в XI–XIII вв. / Отв. ред. В.Г. Бережинский. Киев: Центральный музей Вооруженных сил Украины, 2005.

⁵⁵ Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Соцэргиз, 1953; Якубовский А.Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV веках // Труды историко-археологического института. Т. 6. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1933.

Польза же для обеих сторон была очевидна. Замечательный историк из ученых русского зарубежья первой половины XX века Дмитрий Александрович Расовский пишет: «Руси было выгодно иметь такой военный материал для обороны своих границ; Черным же Клобукам — это был вопрос существования; за службу Руси они получали ту степень самостоятельности, самобытности, которая была бы невозможна для них у Половцев, превративших бы их в своих рабов»⁵⁶. Забегая вперед, отметим, что и «страшные» половцы к концу XII столетия стали практически частью политического и, в определенной степени, даже культурного пространства Русской земли, настолько высокой была ее способность к сотрудничеству с прежде непримиримыми врагами⁵⁷. Сразу отметим, что, как и в случае с русско-ордынскими отношениями, эти процессы не были результатом завоевания Русских земель — постоянное проживание кочевников в их пределах было возможным только по приглашению (и с разрешения) русских правителей.

Кочевники в составе Древнерусского государства воспринимали элементы материальной культуры и привычек славян. Отдельные представители их военной аристократии становились христианами, хотя принуждения к этому в Киевской Руси никогда не было. Однако полных симбиоза или ассимиляции не происходило — каждый участник отношений сохранял свою идентичность, общественное устройство и интересы⁵⁸. Случались серьезные взаимные разочарования и конфликты, которые не имели, вместе с тем, антагонистического характера, оставались частными неурядицами. Но

⁵⁶ Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии (работы разных лет) / подгот. изд. и ст. о Д.А. Расовском Р.П. Храпачевского; вступ. ст. Р.Р. Суюнова. М.: Историко-генеалогический проект «Суюновы», 2012. С. 20.

⁵⁷ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2018. 736 с.

⁵⁸ В этой связи один из наиболее ярких исследователей интересующей нас темы в русской исторической науке XIX в. П.В. Голубовский пишет: «... Печенеги и торки „задаются“ за русских князей и мстят своим врагам, отстаивая Русскую землю. Но вот прошли годы, десятки лет, ни торки, ни печенеги еще не ослаблялись». (См.: Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. М.: Вече, 2011. С. 130.)

в конечном итоге именно взаимодействие между Киевской Русью и кочевыми народами причерноморских степей положило начало постоянному присутствию Востока во внутренней жизни России и решении ею важнейших политических задач.

И к тому же периоду применяется такая историографическая категория, как «свои поганые» — народы, отличающиеся по своему этническому и религиозному характеру, но разделяющие с Русской землей ее основные внешнеполитические интересы⁵⁹. Возникает основа принципа определения «своего» на основе политической лояльности, которая в России намного важнее культурной или этнической близости с ее основным народом. Этот принцип с самого начала отражает природу российской государственности — военной организации, создающего ее народа, и представители Востока играют важнейшую роль не только как грозные противники, но как участники общей оборонительной деятельности.

Кочевых соседей Киевской Руси в IX–XII веках уже давно нет на этнической карте мира. Все они — печенеги, торки, берендеи, черные клобуки и даже самые могущественные из них, половцы — исчезли, растворившись в других народах, включая русских, и оставив им определенные черты своей уникальной культуры. Их влияние на развитие России отчасти стало прямым, придав русской жизни отдельные оттенки того, как устроены общественные институты или обычаи. Но в еще большей степени оно оказалось опосредованным — через «личностное знание»: сначала на уровне рационального выбора в предлагаемых условиях, а затем уже в форме привычки поступать тем или иным образом⁶⁰. Например, выступать против общего противника вместе с теми, кто вроде бы

⁵⁹ Первое упоминание этой категории населения Киевской Руси в летописи («Повесть временных лет») историки относят к событиям 1096 г.

⁶⁰ «Личностное знание» Майкла Полани — это неявное, скрытое знание, не поддающееся полной вербализации, которое включает в себя личный опыт, навыки, убеждения и интуицию. Оно воплощено в практике и передается через общение, а не только из книг. (См.: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина; общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985.)

совсем недавно также скрещивал с тобой мечи на поле брани. Или ставить на первое место общие цели, а культурные и религиозные различия откладывать далеко в сторону.

Соседи России никогда не могли повлиять на внутреннее развитие русского государства и эволюцию его основных институтов: княжеской власти и общины. Но они создали условия для появления определенных устойчивых свойств внешнеполитического поведения, постоянно присутствуя в русской политике и включаясь в нее на самых важных направлениях. Поэтому именно взаимодействие русского государства (далее — Киевской Руси, Древней Руси, Древнерусского государства) на раннем этапе его развития с ближайшими народами Востока определило фундаментальные особенности его политической культуры на последовавшие столетия, постепенно делая многонациональность и много-религиозность естественной частью стратегии выживания и победы над противниками.

Славяне и кочевники

Восточные славяне всегда имели дело с кочевниками. Отчасти причиной этого было широкое движение народов Евразийской степи на Запад, продолжавшееся с III по XIII век н. э. Оно проходило по южным границам заселяемой постепенно славянами лесной и лесостепной зоны в Восточной Европе и неизбежно вело к взаимным контактам разной степени интенсивности. Но в еще большей степени — в результате распространения самих славянских племен из ареала их первоначального проживания⁶¹. Земли, заселяемые далекими предками русских, не были необитаемыми: на них когда-то жили скифы, а затем, уже столетиями, многочисленные кочевые народы, приходившие из глубин Евразии под давлением еще более могущественных восточных со-

⁶¹ Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 97; Трепавлов В.В. Неизданные работы. М.: Издательский дом «Медина», 2024. 840 с.

седей. Но остановить славянскую миграцию не могли даже такие из них, как авары — страшные «обры» русских летописей: существование Аварского каганата «не помешало продвижению славянского населения из лесостепной зоны на юго-восток, на плодородные черноземные земли. С VIII в. это продвижение становится массовым и охватывает обширные области между Днестром и Доном»⁶². Более многочисленные славяне неуклонно распространяются на юг и юго-восток в земли кочевых народов, точно так же, как они двигаются на север и северо-восток от мест своего первоначального расселения, ассимилируя на своем пути балтские и финно-угорские народы.

При этом историки отмечают, что за счет распространения на уровне семей и небольших общин, а не «переселения народов» восточные славяне всегда сохраняли своеобразный резерв пополнения для того населения, которое формировалось на новых освоенных территориях⁶³. Были в этом передвижении и определенные элементы организованного завоевания новых жизненных пространств. Так, советский историк Борис Александрович Рыбаков обращает внимание на то, что «пионерами колонизации были выделены земледельческими славянскими племенами дружины, организовано пробившиеся сквозь кочевнические заслоны и частично осевшие в Причерноморье в соседстве с иноязычным и инокультурным местным населением»⁶⁴. Это, как думается, позволяло славянам достаточно быстро создавать на новых территориях очаги государственности, способные уже организовано взаимодействовать с местным населением, приходящими кочевниками и крупными соседними государствами.

Среди них самым большим влиянием обладал на раннем этапе Хазарский каганат (650–969) — государство, выделившееся из Западно-Тюркского каганата (603–704), с полити-

⁶² Каргалов В.В. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. С. 13.

⁶³ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М.: Типолитография В.И. Титяева, 1909.

⁶⁴ Рыбаков Б.А. Славяне в Крыму и на Тамани. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Симферополь, 1952. С. 8.

ческим центром в Нижнем Поволжье⁶⁵. Наиболее емкой характеристикой природы отношений Руси с каганатом можно признать следующую: «...В целом влияние Хазарского каганата на историю славян было незначительным. Основные славянские земли оставались отделенными от владений хазарских каганов широкой полосой степей, занятых кочевниками. Взаимоотношения славян с хазарами фактически сводились к эпизодическим выплатам дани с некоторой части оседлого славянского населения, преимущественно в пограничных со степью районах, к торговой „десятине“ хазарским каганам во время торговых поездок славянских купцов на восток и, может быть, к каким-то формам зависимости от каганата славянских переселенцев, продвигавшихся с VIII в. на юго-восток Европы и селившихся в непосредственной близости от хазарских владений»⁶⁶.

Таким образом, уже заселенные и постепенно осваиваемые восточными славянами земли подвергались периодическим нападениям кочевников, оказывались от них в даннической зависимости или вовлекались, добровольно-принудительно, в военные предприятия. Но они никогда не были завоеваны кочевниками, не стали их подданными, как это произошло с теми славянами, что населяли часть территории Балканского полуострова (Болгарский каганат) или Паннонскую равнину в современной Венгрии. И поэтому «пробывание здесь кочевников не оказало серьезного влияния на государственное устройство и культуру проживавших на данных землях народов»⁶⁷. Видный советский историк Вадим Викторович Каргалов приходит к однозначному выводу: «...

⁶⁵ По истории Хазарского каганата и его значению в региональной политике российскими и зарубежными историками написано невероятное количество трудов, однако к числу основополагающих и несомненно достойных для прочтения интересующимся читателем необходимо в первую очередь отнести: Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962 и несколько последующих переизданий. Также см.: Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

⁶⁶ Каргалов В.В. Феодалная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. С. 21.

⁶⁷ Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502 / пер. с нем. С. Ю. Чупрова. М.: Центрполиграф, 2017. С. 7.

Кочевые азиатские орды или просто проходили по причерноморским степям, двигаясь на запад (гунны, авары), или были недостаточно сильны, чтобы сколько-нибудь существенно повлиять на историческое развитие славян (племенные объединения кочевников послегуннского периода, хазары)»⁶⁸.

Подводя итог, можно согласиться с мнением, что «славянские племена, находившиеся на более высокой ступени социально-экономического развития и уже переходившие к феодализму, успешно теснили разрозненные племенные объединения кочевников. Эпизодические набеги кочевников — болгар и венгров — на русские земли, предпринимаемые с целью грабежа и захвата пленных, существенным образом не изменяли положение. Постепенно преобладание славян в Причерноморье становилось все заметнее. Однако в X в. в причерноморские степи хлынула новая волна азиатских кочевников, и Руси снова пришлось вести с ними тяжелую, изнурительную борьбу. Но теперь кочевникам противостояли не отдельные славянские племена, а могучее Древнерусское государство»⁶⁹. Это государство — объединение союзов племен — возникает вокруг центра восточных славян в Киеве.

Именно оно в конце IX — начале X века вступает во взаимодействие с новыми кочевыми соседями — племенным объединением тюрков, известным в историографии под названием «печенеги». Последующий период между 915 и 1036 годами проходит в русской истории под знаком постоянного противоборства, политического и экономического взаимодействия с печенегами, также активно участвовавшими в других событиях региональной политики — отношениях с Византийской империей, Болгарским царством и, до завершения его существования, Хазарским каганатом. Самым громким событием русско-печенежской истории является, само собой, коварное нападение печенегов на возвращающегося из похода на Дунай киевского князя Святослава Игоревича в 972 году. При этом двумя годами ранее печенежские отряды участвовали на стороне русских в неудачном для Святослава сражении под Аркадиополем.

⁶⁸ Каргалов В.В. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. С. 22.

⁶⁹ Там же. С. 23.

Сын Святослава Ярополк удачно воевал с печенегами в 978 году, а на следующий год впервые сам принимает кочевников на русскую службу. Получивший от него «грады и волости» хан Илдей становится верным сподвижником Ярополка и поддерживает его во время противостояния последнего со своим братом Владимиром в 980 году. После гибели Ярополка от руки приближенных Владимира в русской истории появляется свой Сид Кампеадор — преданный слуга Ярополка Варяжко убегает к печенегам и на протяжении нескольких лет ведет оттуда борьбу против Владимира, стремясь к мести за своего господина. Правда, в отличие от героя испанской истории, Варяжко уходит не к врагам своего государя, а к служившим ему кочевникам для того, чтобы сражаться с тем, кто для него является узурпатором. Позднее он, впрочем, согласно летописи, также возвращается и прощается князем Владимиром Святославичем Святым.

Сам же креститель Руси делает оборону от печенежской орды своим важнейшим внешнеполитическим проектом. Под его руководством с 988 года начинается масштабное строительство по южным границам Киевского государства оборонительных сооружений, известных как Змиевы валы: цепи укрепленных постов-поселений. Также он периодически привлекает печенегов к своим походам против Болгарии и Византии, побеждает их в сражениях или сам терпит неудачи. К эпохе правления Владимира Святого относятся и известные по летописям факты крещения печенежских князей с переходом их на службу Киевской Руси. В 988 и 991 годах христианами становятся ханы Митигай и Кучуг, впоследствии служащие «...Владимиру от чистого сердца». Активно вовлечены печенеги в новую уособицу, начавшуюся после смерти князя между его сыновьями Святополком и Ярославом Владимировичами, принимая сторону первого и участвуя в его походах на Киев в 1015, 1016, 1017, 1018 и 1020 годах. В 1036 году киевский князь Ярослав Владимирович Мудрый окончательно громит печенегов в сражении под Киевом, после чего они исчезают со страниц русской истории как организованная сила, большей своей частью отпавляясь на Балканы, а меньшей — в степь между Доном и Волгой, где сливаются с другими кочевыми народами.

На сцене русской истории появляются те, кому, несмотря на меньшую численность, довелось войти в нее уже в принципиально ином качестве — не просто соседей, воевавших с Киевским государством, а деятельных участников его внешнеполитической и внутренней жизни. Новая орда представляет собой конгломерат более мелких, чем прежние соседи Руси, племен и далеко уступает печенегам по воинским силам. Эта целая группа народов, известных в русских источниках под названиями торков, берендеев, черных клобуков, ковуев, выделяется в начале XI века из тюрок-огузов, кочевавших на значительной части территории современного Казахстана и бассейна Аральского моря. Она действительно крайне неоднородна и собирает в себе множество остатков встречных племен, прежде чем уступить место в Степи новому могущественному народу — половцам, или куманам, которые уже подступали из-за Волги. В последующем все эти народы именуются в русской летописи либо черные клобуки, либо берендеи, изредка торки, оставившие свое имя столице всего племенного объединения.

В своих «Лекциях по русской истории» А. Е. Пресняков пишет: «Борьба на два фронта — с печенегами, которых они теснили к западу, и половцами, которые их теснили с востока, — была не по силам этой сравнительно немногочисленной орде. И поход на них русских князей в 1060 г. нанес им, по-видимому, окончательный удар»⁷⁰. Торки, говорит летописец, убоявшись русской силы:

«пробегоша и до сего дне, и помроша бегаючи, Божьимъ гневом гоними, ови от зимы, друзии же гладомъ, ини же моромъ и судом Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны от поганыхъ»⁷¹.

Их дальнейшая судьба подобна судьбе печенегов: в 1064 году торки появляются на Дунае и пытаются переправиться на византийскую сторону великой реки, «но гроза эта,

⁷⁰ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 144.

⁷¹ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 71.

действительно, была рассеяна поразившими узов бедствиями — голодом и эпидемией. Остатки их видим потом военными поселенцами в Малой Азии. Но и с русского горизонта они ушли не бесследно. Тюркский элемент значителен в ряду тех турецких поселений на южнорусской почве, какие устраивали князья в Переяславщине, южной Киевщине, в Черниговщине, начиная с 60-х годов XI в., для усиления военной обороны границ против половцев. Эти турецкие колонисты русских земель встречаются под разными названиями: черные клобуки (кара-калпаки), берендеи, турки, ковуи, торки, печенег, половцы, и играли позднее видную роль в истории Киевской Руси»⁷².

Эта видная роль тех, кто потом совокупно называется у нас черными клобуками, в долгосрочной перспективе становится явлением наиболее значимым на фоне всех предшествовавших взаимодействий русских земель со степными соседями. Именно она привносит в русскую политическую культуру первые привычки постоянного и тесного взаимодействия с Востоком, становящиеся затем на уровне «личностного знания» частью политической культуры и стратегии России. Однако прежде чем мы посмотрим, как конкретно Восток впервые стал частью русской жизни, важно обратить внимание на общий контекст, определяющий место отношений с кочевниками в огромном массиве российской историографии. Мы считаем это необходимым для того, чтобы понять, почему настолько, с нашей точки зрения, фундаментальные явления оказались затем в тени событий как более, так и менее значимых. Причина является достаточно простой — тесное культурное взаимодействие со степными народами Востока находится в очень сложных отношениях с канонами русской истории, возникшим в середине XIX века и сохраняющим свое центральное положение по наше время. Канонами о неизбежной «борьбе леса и степи» как важнейшем военно-политическом противостоянии в истории Русской земли до начала прямых отношений с Западом.

⁷² Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М.: Соцэкгиз, 1938.